

*Посвящается Элли Роуз, моей малышке,
которой в этом году предстоит
сдать важные экзамены,
и
Грэму Джойсу, видевшему красоту во всем.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шум

ГЛАВА 1

...исторического события, впервые столь важное научное открытие транслируется в прямом эфире. Здесь, наверху, возбуждение буквально осязаемо; нам остается только гадать, каково там, внизу, у входа. Ученые и спелеологи находятся на безопасном расстоянии, а специально разработанные автоматические системы готовы сорвать покров с древней пещеры. Никто не знает наперед, что мы там найдем, хотя недавние сейсмографические исследования позволяют предположить, что потайная система пещер, отрезанная, возможно, уже миллионы лет назад, очень обширна. По слухам, в нее могут входить пещеры, превышающие размерами недавно обнаруженную во Вьетнаме пещеру Шондонг¹, а сама она имеет протяженность больше, чем легендарная Мамонтова пещера в Кентукки. Лично я еще никогда не испытывала такого возбуждения. Этот день навсегда запомните те, кто участвует в данной экспедиции. И, надеюсь, вы, наши зрители, также его запомните.

**«Потаенные глубины — в прямом эфире!»,
канал «Дискавери»
вторник, 17 ноября 2016 года**

Затаив дыхание, я смотрела, как три фигуры в черном, обвешанные альпинистским снаряжением, спускаются в пещеру. Джуд бросил мне в голову огрызком

¹ Шондонг — пещера во Вьетнаме, самая большая в мире. Обнаружена в 2009 году, местами имеет больше 200 метров в высоту и 150 метров в ширину. (Здесь и далее прим. переводчика.)

яблока и промахнулся. Огрызок ударил в стену позади меня и разлетелся, обдав меня брызгами мякоти и семечками.

— Убирайся к черту! — крикнула я.

Тень Джуда отпрянула от дверного проема — очевидно, он испугался возмездия, — однако левая рука задержалась на косяке, и затем высунулась голова.

— Я скажу маме, что ты ругаешься! — показал знаками Джуд.

— Ну и говори! — сказала я.

Мои слова были лишь вибрацией, порожденной воспоминаниями. Я прочувствовала размеренное шлепанье шагов младшего брата, возвращающегося к себе в комнату, а затем глухой удар в стену, говорящий о том, что Джуд запрыгнул на кровать. Он еще вернется. Маленький гаденыш пребывал в соответствующем настроении.

Страхнув с плеча яблочные ошметки, я снова повернулась к телевизору. Я только что его включила. До этого я с час брэнчала на гитаре, пока не уступила соблазну растянуться на кровати и посмотреть какую-нибудь неприятную ерунду по телику. Однако первые же кадры, которые я увидела, тотчас привлекли мое внимание.

Это были, в общем-то, не джунгли. Скорее просто густые заросли, холмы, покрытые деревьями и кустарником, чуть дальше голые горные пики, окутанные туманной дымкой. С веток свисали лианы, уходящие высоко вверх, пробираясь сквозь полумрак подобно дремлющим щупальцам, а по дну оврага медленно струился извивающийся ручеек. Там стояли несколько больших палаток; ближе к камере — палатки поменьше, и склад с составленными в штабеля пластиковыми ящиками и мешками защитного цвета. В овраге двигались люди, и именно выражение их лиц заставило меня прильнуть к экрану.

Они были в восторге. Не просто захвачены происходящим, а по-настоящему возбуждены тем, чем занимались,

БЕЗМОЛВИЕ

тем, что нашли. Еще больше выразительности придавала картинке надпись «Прямой эфир» в углу. На заднем плане в лагере толпились люди, но камера сфокусировалась на небольшой группе — три человека в альпинистской страховке, лебедка на стальной треноге и черный зев входа в пещеру у подножия холма. Две женщины вращали лебедку, опуская исследователей одного за другим с дневного света в кромешный мрак.

Я удивилась было тому, что нет никаких комментариев, но затем нажала кнопку на пульте дистанционного управления, и появились субтитры. Похоже, Джуд опять смотрел мой телевизор и переключил установки. Как же мне надоел этот маленький мерзавец!

— ...чуть больше мила, так что, хотя это далеко не самая обширная или глубокая система пещер в Европе, эта уникальная черта выделяет ее как самую захватывающую, открывая огромный потенциал для дальнейших исследований. Как уже говорил доктор Краснов, вы в прямом эфире смотрите на канале «Дискавери», как творится история. Так что пока трое спелеологов спускаются в вертикальную шахту, в глубине пещеры автоматические системы уже...

«Какая еще уникальная черта?» — подумала я. Вход в пещеру выглядел непримечательно — обычный провал футов пятнадцать в поперечнике, края заросли кустами. Проникающий с одной стороны солнечный свет позволял видеть покрытую растительностью стенку, по всей видимости, ведущую прямиком вниз. Наверное, смотрелось это немного жутковато, и я, наблюдая за тем, как последний спелеолог скрылся в темноте, подумала, не наткнулась ли случайно на какой-нибудь новый ужастик. Но, проверив, я убедилась, что это действительно «Дискавери», и тут в кадре впервые появилась ведущая. Я видела ее уже не раз, она вела репортажи из самых разных точек земного шара. «Вот потрясающая работа», — подумала я. В свои

ТИМ ЛЕББОН

четырнадцать я только начинала получать представление о том, чем хочу заниматься, и сейчас, глядя на ведущую, я ощутила восхищение. Пусть я глухая; это не мешает мне стать тем, кем я хочу.

— Как мы уже говорили, группа из пятнадцати человек уже работала у самого дальнего входа в пещеру, — продолжала ведущая. — В их числе опытные спелеологи, ботаник, биолог, геолог и палеонтолог, и они провели под землей почти шесть суток, собирая образцы и систематизируя новые виды растений и насекомых, обнаруженные там. Но сейчас, после того как был обнаружен новый вход в подземную систему и исследователи готовятся разобрать завал, похоже, перекрывающий дорогу к более глубокой, более обширной системе, происходящее, возможно, станет одним из величайших научных открытий...

Схватив постоянно включенный планшет, я открыла приложение для работы с альбомами. Я настроила это приложение под себя и использовала его каждый раз, когда какая-то новость привлекала мое внимание, добавляя официальные документы, видеофайлы и информацию из социальных сетей. Иногда я показывала свою работу родителям. Я знала, что они радуются тому, что я решила стать журналистом, но как-то раз отец заметил, что эта работа очень трудная. Он имел в виду произошедший со мной несчастный случай, хотя и не произнес этого. Поэтому едва ли стоило удивляться тому, что общение имело для меня такое большое значение. Сомнения отца несколько удивили меня, особенно если учесть, что он частенько слушал, как я исполняю музыку. Джуд хотел организовать вместе со мной группу, в которой он был бы вокалистом — любимцем публики, а я была бы композитором, автором текстов, музыкантом и всем остальным, что не имеет отношения к славе и признанию. Я тогда ответила отцу: «Скажи это Бетховену». После этого он больше не

БЕЗМОЛВИЕ

сомневался. По крайней мере, ничего не высказывал мне в лицо.

Создав новый файл, я озаглавила его «Новые миры?» и уже собралась набрать краткую аннотацию, когда мой взгляд привлекло какое-то движение.

Джуд снова появился в дверях, крадущийся ползком, словно снайпер, с резинкой, натянутой между большим и указательным пальцами, и вложенной в нее скомканной бумажкой. Увидев брата, я пригнулась, но Джуд оказался проворнее. Бумажка попала мне в лицо в дюйме над глазом. На моей стороне были долгие годы занятия балетом и спортом, и я пересекла комнату до того, как Джуд успел вскочить на ноги.

Я обхватила его за щиколотки. Он оглянулся. Я постаралась скорчить самую злобную гримасу, какую только смогла. Джуд жутко меня раздражает, и порой я готова на все, лишь бы прогнать с его лица эту мерзкую, самодовольную ухмылку.

— И вот теперь, когда отмщение близко... — начала я.

— Не надо, Элли, извини!

Что-то влажное ткнулось мне в спину, там, где задралась футболка.

— Отис! — подскочив от неожиданности, воскликнула я.

Воспользовавшись заминкой, Джуд выскользнул из моих рук и уполз прочь, застыв на корточках на пороге своей комнаты, готовый защищать свои владения.

Сев на задние лапы, собака снова ткнула меня носом.

— Уже иду! — крикнула я, понимая, что это мама прислала за мной Отиса.

Вообще-то, эта веймарская легавая не была подготовлена для помощи глухим — по крайней мере, профессионально ее никто не дрессировал; однако я долгие часы обучала Отиса предупреждать меня о том, что кто-то меня зовет,

ТИМ ЛЕББОН

что звонит городской телефон, что стучат в дверь. Нас с Отисом связывала глубокая дружба, и я до сих пор поражалась, как он умеет переключаться между различными настроениями: он становился серьезным, когда нужно было помогать мне, оставаясь игривым и веселым все остальное время.

— Хорошая собака! — сказала я, потрепав его по шее и почесав ему грудь. Отис отрывисто гавкнул — я буквально прочувствовала этот звук грудью — и затопал вниз по лестнице.

Мы с Джудом съехали по ступенькам на пятой точке, со смехом, рядышком. Я уже успела забыть о далеком овраге, отверстии в земле и людях, исчезающих в темных глубинах.

* * *

Это был еще один гостиничный номер, в еще одной безликой гостинице, который Хью предстояло забыть, как только он отсюда уедет, и в нем пахло мочой.

Вообще-то, гостиница была довольно неплохая. Все номера были разные — тот, в котором поселился Хью, без всяких фантазий назывался «Красным люксом»; красные занавески и покрывала, и несколько картин с пустынными пейзажами и кровоточащими рассветами. Супружеская пара, которой принадлежала гостиница, показалась ему дружелюбной и работающей. Жена, чуть старше Хью, улыбалась слишком много, когда он заметил расстегнутую пуговицу у нее на блузке. Ничего особенного, можно было разглядеть лишь кусочек кружевного лифчика. Хью *не мог* не замечать подобные вещи, однако этим все и ограничивалось. Он предварительно заказал ужин, поскольку гостиница славилась также своей кухней. Так что все хорошо. Все в порядке. И все же в номере пахло мочой.

БЕЗМОЛВИЕ

Хью медленно обошел номер, пригнувшись, заглянул в туалет и присел на корточки, проверяя наиболее очевидное место, но так ничего и не обнаружил. Это был лишь слабый привкус, ничего резкого и настораживающего, недостаточно для того, чтобы просить переселить в другой номер. Определенно, недостаточно для того, чтобы жаловаться. Хью просто был не таким. Он терпеть не мог неприятности и избегал конфронтации любой ценой. Вот если бы на полу посреди комнаты была навалена большая куча, он, наверное, пожаловался бы. Наверное.

Вздохнув, Хью сел на кровать и погрузился в четыре подушки, уложенные у изголовья. Рядом лежала нераскрытая книга. На ночном столике в чашке остывал чай: в свое время мысль о чае казалась привлекательной, однако у напитка был вкус... в общем, мочи, приправленной заменителем молока из маленькой пластиковой коробочки.

Вот еще одно, что он сделал бы, если бы был хозяином подобного заведения. Маленький холодильник в каждом номере с банкой настоящего молока. Хью частенько повторял это Келли, и пару раз они даже всерьез обсуждали, не купить ли им небольшую гостиницу здесь, на побережье Корнуолла. Келли смогла бы всерьез заниматься живописью, а не довольствоваться теми урывками, которые ей удавалось выкроить сейчас. Джуд бродил бы по каменным заводам, образующимся во время отлива, а Элли нашла бы себе новые увлечения — собирать ракушки, кататься на лодке, лазать по прибрежным скалам. Возможно, она перепробовала бы все это и еще многое другое.

Бросив взгляд на книгу, Хью вздохнул, включил телевизор и, вырубив звук, принялся прыгать по каналам.

Эти два дня выдались долгими: он работал над новым домом. Точнее, особняком. Заказчиком был владелец скаковой лошади, шестидесяти лет от роду, богатый, со-